

RU

Специфика автоинтерпретации в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве»

Осьмухина О. Ю.

Аннотация. Статья посвящена анализу романа «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве» крупнейшего современного прозаика и представителя русской эмиграции «третьей волны» Э. Лимонова в контексте проблемы автоинтерпретации, что объясняется необходимостью выделения ключевых особенностей поэтики раннего творчества писателя, которые во многом станут определяющими для его последующих произведений. Цель исследования – выявить своеобразие автоинтерпретации в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко...». Научная новизна нашей работы состоит в том, что впервые в «Подростке Савенко, или Автопортрете бандита в отрочестве» устанавливаются и целостно осмысливаются средства авторской репрезентации. В результате определено, что, во-первых, писатель обыгрывает подробности собственной биографии, обращаясь к «харьковскому» периоду своей жизни; во-вторых, важнейшим приемом автоинтерпретации становится авторская маска Эди-бэби; в-третьих, авторская маска выстраивается посредством приемов автобиографизма, ретроспекции, а также глубинной рефлексии, порожденной столкновением двух точек зрения (юного автогероя и автора «реального», ведущего повествование в нейтральной, квазиэпической манере).

EN

Specifics of autointerpretation in the novel “The Teenager Savenko, or Self-Portrait of a Bandit in Adolescence” by E. Limonov

Osmukhina O. Y.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the novel “The Teenager Savenko, or Self-Portrait of a Bandit in Adolescence” by E. Limonov, the largest contemporary novelist and representative of the Russian emigration of the “third wave”, in the context of the problem of auto-interpretation, which is explained by the need to identify the key features of the poetics of the writer’s early work, which will largely determine his subsequent works. The aim of the study is to identify the peculiarity of auto-interpretation in E. Limonov’s novel “The Teenager Savenko...”. The scientific novelty of our work consists in the fact that for the first time in “The Teenager Savenko, or Self-Portrait of a Bandit in Adolescence” the means of authorial representation are established and holistically comprehended. As a result, it is revealed that, firstly, the writer plays with the details of his own biography, referring to the “Kharkov” period of his life; secondly, the author’s mask of Edi-Baby becomes the most important technique of authorial interpretation; thirdly, the author’s mask is constructed through the techniques of autobiography, retrospection, and deep reflection, generated by the collision of two points of view (of the young autogamer and the author of the “real”, who leads the narrative in a neutral, quasi-epic form).

Введение

Эдуард Вениаминович Савенко (Эдуард Лимонов) – писатель, поэт, публицист, политик – одна из наиболее одиозных фигур современного литературного процесса и литературы русской эмиграции «третьей волны», известный своей эпатажностью. Войдя в литературу со скандальным романом «Это я – Эдичка», он уже при жизни обрел репутацию «живого классика», регулярно эпатирующего публику. Нельзя не согласиться с мыслью В. Г. Бондаренко о том, что «главным в жизни для него (Эдуарда Лимонова. – О. О.) стало не искусство для избранных, не стихи или проза как некий концепт, с которым он играет, а само существование как сопротивление враждебному миру, которое становится шире и значимее его собственного эгоизма, его эстетства, его литературных парадоксов» (2005, с. 632). Л. П. Вакамыя справедливо отмечает, что, «создавая

квазиавтобиографические сочинения и одновременно совершая провокационные общественные поступки, Лимонов дал читателям обширный материал для создания биографии-легенды. <...> манипулирует биографическими фактами и эстетически выстраивает автобиографический жанр» (Цит. по: Красавченко, 2006, с. 161). Таким образом, актуальность настоящего исследования очевидна и объясняется, во-первых, значимостью проблемы автоинтерпретации (авторепрезентации) для современного литературоведения, решение которой на материале конкретных писательских практик позволит выявить ключевые формы авторского присутствия и приемы их воплощения в тексте; во-вторых, необходимостью осмысления первого романа «харьковской трилогии» «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве» (1983), написанного в эмиграции и открывающего период «биографической легенды» Лимонова, в котором манифестация автоинтерпретации прозаиком высвечивается наиболее выпукло. Обыгрывая биографический контекст, Э. Лимонов как автор «реальный» повествует о жизни анархически настроенного романтика-бунтаря Эди-бэби в 1950-х годах, который фактически ищет себя и собственное место в мире.

Задачи исследования: проанализировать образ автогероя в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве»; изучить специфику построения авторской маски как ключевого средства автоинтерпретации.

Материалом исследования явились романы Э. Лимонова и Ф. Достоевского (Лимонов Э. В. Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве. М.: Альпина нон-фикшн, 2021; Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. / сост. Т. И. Орнатская, Г. М. Фридендер. СПб.: Наука, Ленингр. отд., 1989. Т. 5. Преступление и наказание), интервью писателя (Эдуард Лимонов (интервью) // Собеседник. 1995. № 38 (596). 9 октября), воспоминания о нем (Могутин Я. Воспоминания русского панка, или Автопортрет бандита в молодости. 1994. <http://kolonna.mitin.com/people/mogutin/limonov.shtml>), а также словарная статья (Тюпа В. И. Модусы художественности // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008).

Теоретическую базу составили, во-первых, работы по проблеме автора и автоинтерпретации, посвященные разграничению автора «реального» – героя – форм авторского присутствия в художественном тексте (Бахтин, 2000; Большев, 2003; Медарич, 1998; Софронова, 2006); во-вторых, исследования, затрагивающие отдельные аспекты творчества Э. Лимонова, прежде всего осмысливающие его место в литературном процессе эмиграции (Балканский, 2017; Глэд, 1991; Каррер, 2023) и высвечивающие связь его творчества с биографическим контекстом (Бондаренко, 2005; Мамлыга, 2023; Машенко, 2021; Милицкая, 2023; Орлова, 2004).

Важнейшими методами нашей работы стали: метод целостного анализа, благодаря которому роман был осмыслен в единстве его поэтики и проблематики; биографический метод, позволивший выявить специфику транспонирования в текст «Подростка Савенко...» Э. Лимонова элементов биографии автора «реального».

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных прозе эмиграции «третьей волны», а также проблемам автоинтерпретации.

Обсуждение и результаты

Роман «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве» – первая книга «харьковской трилогии» Э. Лимонова – написан в 1982 году. Главный герой – пятнадцатилетний Эдуард Савенко – носит прозвище Эди-бэби, придуманное на американский манер, следуя моде стилиг 50-х годов, его другом Кадиком (Лимонов, 2021, с. 6). Главный герой «не любит своей фамилии и мечтает ее сменить, когда вырастет» (Лимонов, 2021, с. 4). Примечательно, что автор «реальный» передает герою собственное имя (настоящая фамилия писателя Лимонова – Савенко), судьбу, и автобиографизм превращается в нарративный прием: автогерой не только поименован также, но, равно как и его создатель, живет в Харькове и воспроизводит хорошо известные ему детали харьковского быта (общеизвестно, что сам Лимонов до 1967 г. жил в Харькове), обладает поэтическим даром, пишет стихи. Помимо прочего, он занимается грабежом и перешивает брюки (правда, пока что только свои). Анатолий Брусиловский, друг Эдуарда Лимонова, говоря об «ипостасях» писателя, перечисляет весь тот «набор», который репрезентован в «Подростке Савенко...»: «Лимонов – он же Савенко Эдуард Вениаминович. Сын военного, житель Харькова, начинающий мелкий уголовник (специальность – грабеж винных ларьков), портной (специальность – мужские брюки, цена пошива 15 рублей), поэт милостью Божией, эмигрант, писатель, революционер, заключенный, партийный босс. Вот как много набралось “ролевых масок”!» (Цит. по: Мамлыга, 2023). Сам прозаик в одном из интервью отнюдь не отрицал автобиографичности романа, подчеркивая при этом ретроспективность, отделяющую повествуемый мир от мира нарратора: «Эта книга чуть сложнее, потому что она отстояла от меня, эту книгу я писал почти через четверть века после событий. Ну да, она автобиографическая, даже до степени того, что я сохранил многие имена, большинство имен, которые помню. <...> Но книга – безусловно не слепок реальности, это какая-то реальность, как я это понимаю в момент написания» (Эдуард Лимонов..., 1995).

События романа занимают лишь два дня (7-8 ноября), сюжет строится на том, что Эди-бэби срочно нужно найти двести пятьдесят рублей, чтобы сводить возлюбленную на вечеринку к «самой клевой компании в поселке» (Лимонов, 2021, с. 4), и в поисках денег он общается с «салтовской шпаной», попадает в различные криминальные и полукриминальные ситуации, перемещаясь, подобно джойсовскому Леопольду Блуму,

по Харьков. Кстати, параллель с героем «Улисса» представляется нам хотя и сниженной, но отнюдь не случайной, и дело здесь не только в схожих хаотичных «шатаниях» героя по городу (весьма примечательная деталь: вторая часть названия романа Э. Лимонова «...Автопортрет бандита в отрочестве» со всей очевидностью отсылает к заглавию еще одного джойсовского текста – «Портрет художника в юности» – первого автобиографического произведения ирландского писателя, где также прослежено становление героя, подвергающего сомнению социальное мироустройство). Во-первых, равно как и Блум, знающий об измене жены, но ничего не предпринимающий, Эди-бэби, слышащий от друзей «разное» о Светке, не отказывается от своей возлюбленной. Во-вторых, символическая тема «Улисса» «отец – сын» преломляется у Лимонова в попытках персонажа осмыслить отношения с отцом. С присущим ему подростковым максимализмом и известным протестом Эди-бэби противоречив в чувствах к Вениамину Ивановичу, который «никогда не будет капитаном» (Лимонов, 2021, с. 10): осознавая внешнее сходство с ним, общие поэтические пристрастия (к примеру, обоим нравятся стихи Э. Багрицкого, в честь которого отец и назвал Эди), испытывая «волнение» от «марийской части» его биографии, юноша с долей презрения неоднократно отмечает подчиненное положение отца в семье («пытался выскользнуть из-под упрямой власти жены» (Лимонов, 2021, с. 132)), воспроизводит неуважительные реплики матери о нем («своей бесхарактерностью и беспомощностью он губит ее жизнь и жизнь ребенка» (Лимонов, 2021, с. 72)), вспоминает об испытанной к нему ненависти и готовности «зарезать отца ночью» (Лимонов, 2021, с. 98), стыдится его профессии («Теперь он увидел, что отец его настоящий мусор, хотя и носит другую форму» (Лимонов, 2021, с. 130)) и того, что тот не был на фронте. Старший лейтенант НКВД Вениамин Иванович Савенко «очень талантливый» – играет на гитаре, на фортепиано и «на многих других инструментах, и даже сочиняет музыку» (Лимонов, 2021, с. 10). Детское восхищение отцом, однако, проходит: будучи подростком, Эди-бэби не хочет быть таким же «хорошим», более того, «медленно, но верно отец стал злить его своей хорошестью» (Лимонов, 2021, с. 73).

Отторжение от «правильного» взрослого мира, ассоциирующегося с родителями, школьными учителями, участковым, соседями, происходит у героя с одиннадцатилетнего возраста через глубинную рефлексию и саморефлексию и воплощается в дискурсе отрицания, распространяющемся на всё, с чем он соприкасается (стилистически это маркируется утрированием частицы «не»): он «терпеть не может Лору Яковлевну... ненавидит школьные книги (здесь и далее выделено нами. – О. О.)» (Лимонов, 2021, с. 8), «он не хочет», «у него нет никакого желания» (Лимонов, 2021, с. 114). Подобное отрицание действительности, разъединение «я» и «мира» порождает иронический модус художественности, в котором, как пишет В. И. Тюпа, «субъект» занимает позицию «романтического самоутверждения» (2008, с. 127).

Отметим, что сюжетное развертывание в романе выполняет служебную, вспомогательную функцию, лишь оттеняя тотальную рефлексию героя о себе, собственном детстве и взрослении, о реалиях, в которых ему приходится существовать. Именно ретроспективный взгляд (причем ретроспекция удваивается: автор «реальный» осмысливает собственное отрочество посредством образа автогероя, который, в свою очередь, анализирует свое бытие) позволяет писателю не только высветить характер Эди-бэби, выявить причины его поступков, но и дистанцироваться от себя самого, взглянуть на себя глазами «другого» и в конечном итоге становиться приемом создания авторской маски как средства «выявления тождественности/нетождественности творца художественного произведения самому себе во внутритекстовом пространстве» (Осьмухина, 2009, с. 3). «Нетождественность» автора «реального» его герою – носителю авторской маски – воплощена в квазиэпической манере повествования: не только повествуемая реальность, но и внутренние монологи Эди-бэби, попытки его самоописания и самопознания переданы в третьем лице.

Примечательно, что автогерой Э. Лимонова осознает, говоря словами М. М. Бахтина, собственную «другость»: «Эди-бэби не такой, как они. Потому он и стоит тут в рваных и мятых польских вельветовых брюках и желтой куртке с капюшоном, стоит этаким Гамлетом Салтовского поселка и сплевывает независимо. Эди-бэби думает, что е...л он их всех» (Лимонов, 2021, с. 4). С презрением и «брезгливой физиономией» он созерцает празднование Седьмого ноября на площади Дзержинского, наблюдая за «плохо организованными» гражданами и считая их «козьим племенем». Юный бунтарь, готовый противостоять обществу, с одной стороны, отчасти схож с нищезанским сверхчеловеком, с другой – с Родионом Раскольниковым. Кстати, в романе Лимонова неоднократно встречаются отсылки к «Преступлению и наказанию» и «теории» Раскольникова: «Эди-бэби твердо уверен, что весь род человеческий разделяется на две категории – на людей, которых можно бить, и на тех, кого нельзя. Его – Эди-бэби – бить нельзя» (2021, с. 97). Как и Раскольников, Эди относит себя к числу «особенных» представителей человеческого рода. Ср. у Ф. М. Достоевского: «Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово» (1989, с. 160). Очевидно, что сродни разделению Раскольниковым людей на «материал», т. е. обычных, заурядных, разграничение Эди-бэби «козьего племени» («граждан») и его, «другого», которому разрешено более, чем остальным, отличного и от «граждан», и от салтовской шпаны, ибо он сам определяет границы дозволенного.

Автогерой размышляет об убийствах и тюрьме, имеет «красный» список – тетрадь, куда вписывает должности и имена членов Политбюро, «генералов, и министров, и секретарей обкомов, которых нужно убрать» (Лимонов, 2021, с. 203). Кстати, тюремная тема не единожды возникает в романе, что закономерно (автор «реальный», как известно, в начале нулевых был осужден за политические преступления): отец Эди-бэби работает в НКВД и возит заключенных, некоторые ребята из окружения Эди отбывали наказание в тюрьме, сам

главный герой неоднократно размышляет о совершении преступления и последующем заключении: «Эди хочется немедленно сесть в трамвай и умчаться к Светкиному дому, и найти Светку, и убить Шурика, и сесть в тюрьму, остаться одному в камере...» (Лимонов, 2021, с. 228). Подобное поведение героя вполне объяснимо – он вырос в полукриминальной среде, «на Салтовке, где подросток должен быть мужчиной» (Лимонов, 2021, с. 209), не просто постоянно наблюдая сцены насилия, воровства, нападений, убийств, но и принимая в некоторых преступлениях личное участие. Об этом свидетельствуют эпизоды, рисующие драку с солдатами, воровство в столовой, изнасилование двух девушек на улице Харькова и одновременное избивание и убийство знакомого этих девушек, а затем и изнасилование Светки. Эди-бэби считал, что мужчина должен быть смелым («должен делать вид, что ничего не случилось, быть мужчиной» (Лимонов, 2021, с. 228), «мужчина терпит и молчит» (Лимонов, 2021, с. 229)), и для этого важно проявлять силу. Очевидно, что автор «реальный» транспонирует собственное мировосприятие на юного героя, что подтверждается его воспоминаниями о событиях раннего детства, когда его мать во время авиационного налета на руках с маленьким Эдичкой была изгнана из бомбоубежища, поскольку окружающих раздражал плач ребенка, и тогда она произносит судьбоносные слова, знаковые и для будущего писателя, и впоследствии для его героя – носителя авторской маски: «Правда заключается в том – запомни, Эдичка, – что люди трусливы и подлы, и они убьют тебя, если ты не успеешь ударить первым» (Цит. по: Карпер, 2023, с. 1).

Кстати, значимая для автора тема трусости/смелости проходит через весь роман, достаточно вспомнить эпизод первой серьезной драки с Юркой Обеюком, определившей дальнейшую судьбу и образ мыслей Эди-бэби: «Идя в тот день после уроков, Эди-бэби анализировал свою жизнь, рассматривал ее с различных углов зрения» (Лимонов, 2021, с. 74), и на следующее утро он снял с себя пионерский галстук, что было символическим актом, знаменующим начало новой жизни: «...решил оставить свои книги, пойти в реальный мир и стать в реальном мире самым сильным и смелым. Он решил стать другим человеком и стал им в тот же день» (Лимонов, 2021, с. 76). Примечательно, что взросление сопровождается пиететом Эди-бэби по отношению к насильникам и грубой силе. Он искренне сожалеет, что лишен необходимой брутальности и «звериности»: «...пальцы его рук слишком длинны, кожа на лице слишком нежная, и благодаря мамочке-полумонголке... почти не растут усы и борода» (Лимонов, 2021, с. 247). Герой в желании самоутвердиться и доказать себе самому, что он такой же сильный, как и старшие ребята, отправляется совершить убийство, однако забывает взять опасную бритву: «Из-за того, что взял тетрадь со стихами, оставил бритву дома в пиджаке» (Лимонов, 2021, с. 250). Нелепая случайность, романтически подменяющая насилие, силу как таковую творчеством, поэзией, оказывается для героя ситуацией порога – осознав, что ему тесно в родном городе, он попросту «перерос» собственное окружение, а потому без вещей и документов на поезде Москва – Тбилиси он покидает город, желая начать новую жизнь: «Мне просто с Салтовки уехать хочется. Не могу я больше здесь...» (Лимонов, 2021, с. 265). Фактически автогерой проходит этапы воспитания, традиционные для классического Bildungsroman и соотносимые, к примеру, с воспитанием личности, поиском места в жизни Вильгельма Мейстера в диалогии И. В. Гёте: от одиночества мечтаний в окружении книг о путешественниках и первооткрывателях, наделяющих смыслом его существование, через приобщение к «взрослой» жизни посредством старших товарищей (они играют функциональную роль «учителей» и «наставников») до осознания собственного призвания и, следовательно, свободы.

Эди-бэби лишен грубости душевной, он слишком тонко чувствует и переживает как собственные внутренние изменения (психологические и физиологические), так и столкновения с реальностью. К примеру, боль, которую он чувствует из-за любви к Светке, незнакома «салтовской шпане», ибо его друзья уверены, что «настоящий мужик» должен властвовать над женщиной, а женщина, в свою очередь, должна подчиняться. Все пытаются объяснить это юному чувствительному Эди, но он не может следовать этим советам, он – другой, и исповедально-автобиографическое повествование призвано раскрыть «истинную подоплеку тех мучительных невротических комплексов, которые составляют основу навязчивого воспеания мужской победительной брутальности» (Орлова, 2004, с. 46-47). «Другость» автогероя, в сравнении с его ближайшим окружением, оттеняется его двойственностью: внешне салтовский хулиган, впутывающийся в грабежи и разбой, пьющий на спор водку, демонстрирующий хулиганскую удаль, внутренне он остается ранимым и тонким юношей, мечтателем, открытым впечатлениям. Не случайно, что по-настоящему интересно ему лишь с Асей Вишневской, семья которой репатрировалась из Франции: только с ней он говорит о книгах, душе, Боге, любви, только с ней он вежлив и воспитан; Ася, в свою очередь, способствует раскрытию его лучших свойств, направляет его в чтение.

О. В. Михайлова справедливо подмечает, что главный герой в романе «мучительно пытается отыскать свое место в жизни, выбирая между двумя открывающимися перед ним одинаково притягательными идеями: книжной культурой, интеллигентным существованием, с одной стороны, и уголовщиной – с другой. Перед читателем встает одновременно и вор, и начинающий литератор-интеллектуал. Именно “Подросток Савенко...” отчетливо помогает понять подлинную природу тех гимнов грубой животной силе, которые столь характерны для художественных и публицистических произведений Лимонова. Он воспеает то, чего не находит в себе» (2006, с. 110).

Фактически роман Э. Лимонова – это история воспитания, становления юного представителя «салтовской шпаны», который из мальчика превращается в мужчину, причем в этом процессе педалируется роль антитезы «утонченность – грубая сила», поскольку автор «реальный» анализирует «прошлое через призму невротической проблематики, которая стала для него главной в 1980-е годы» (Орлова, 2004, с. 53). Используя в тексте большое количество обсценной лексики, элементы дискурса отрицания для описания подробностей жизни Эди-бэби (подростковое протестное поведение, эротические сновидения автогероя, в которых он грезит

о сумасшедшей Тоньке и др.), автор тем самым спустя несколько десятилетий иронически, с долей известной ностальгии осмысливает самого себя, юного, отчасти сентиментального бунтаря, в натуре которого парадоксально уживаются тяга к русской и западной классике, тотальная рефлексия о мире и о себе с хулиганской удалью, презрением к «козьему племени» и желанием быстро обогатиться.

Заключение

Итак, мы пришли к следующим выводам. В первом романе «харьковской трилогии», написанном в эмиграции, писатель пытается проанализировать свою юность и вычлнить те моменты, которые сыграли принципиальную роль в его личностном становлении. Роман «Подросток Савенко...» повествует о судьбе пятнадцатилетнего Эди-бэби, которому присущи подростковая сентиментальность, отрицание общепринятых правил и норм, поиски себя. Общась с «салтовской шпаной», выпивая, воруя, он размышляет о причинах своей «непривлекательности» для возлюбленной Светки, об отличии от других ребят. Эди осознает, что ему не хватает мужской силы и грубости, однако понимает, что он заметно отличается от своего ближайшего окружения. Лишь в доме настоящего друга и чуткой собеседницы Аси, обсуждая книги, он чувствует себя гармонично. Бесконечно метущийся между богемой и бандой, герой осознает, что он отнюдь не груб и не брутalen, ибо от рождения наделен изяществом и утонченностью, ранимостью и чувствительностью. Автор «реальный», действительно, обыгрывает в «Подростке Савенко...» биографический контекст, но, прибегая к приему удвоенной ретроспекции, осмысливает себя самого, собственное бытие сквозь призму прожитых лет посредством авторской маски. Авторская маска Эди-бэби как важнейшее средство автоинтерпретации в «Подростке Савенко...» Э. Лимонова выполняет следующие принципиально важные функции: во-первых, это художественный образ фиктивного автора как формы субъектных взаимоотношений в тексте; во-вторых, это средство воплощения «реального» автора, обнажающего процесс саморефлексии. В-третьих, благодаря авторской маске в нарративном дискурсе органично взаимодействуют две точки зрения: «голоса» самого Эди-бэби и отделенного от него временной дистанцией «затекстового» автора.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам, во-первых, в детальном изучении автоинтерпретации Э. Лимонова в других частях «харьковской трилогии» (романах «У нас была великая эпоха» и «Молодой негодяй»); во-вторых, в пристальном осмыслении их художественного своеобразия; в-третьих, в анализе соотношения автора – героя – авторской маски в них.

Источники | References

1. Балканский А. Эдуард Лимонов. М.: Молодая гвардия, 2017.
2. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
3. Большев А. О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2003.
4. Бондаренко В. Г. Униженный эстет как герой народного бунта: Эдуард Лимонов // Бондаренко В. Г. Последние поэты империи: очерки литературных судеб / коммент. Л. Калужной. М.: Молодая гвардия, 2005.
5. Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991.
6. Каррер Э. Лимонов / пер. Н. Чеснокова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
7. Красавченко Т. Н. Спецвыпуск журнала «Канадско-американские славистические исследования: культура русской эмиграции» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2006. № 2.
8. Мамлыга М. Молодой Лимонов и столичная богема: с кем дружил, пил и враждовал писатель после переезда в Москву // Правила жизни. 22.02.2023. <https://www.pravilamag.ru/entertainment/674079-molodoy-limonov-i-stolichnaya-bogema-s-kem-druzhil-pil-i-vrazhdoval-pisatel-posle-pereezda-v-moskvu/>
9. Машенко А. П. Крым в прозе и публицистике Эдуарда Лимонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. № 4.
10. Медарич М. Автобиография/автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. ст. / под ред. А. Муратова и Л. Иезуитовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1998.
11. Милицкая Е. Последний авангардист: как парень из Харькова стал самым скандальным русским писателем: к 80-летию Эдуарда Лимонова // Известия. 22.02.2023. <https://iz.ru/1473139/ekaterina-militckaia/poslednij-avangardist-kak-paren-iz-kharkova-stal-samym-skandalnym-russkim-pisatelem>
12. Михайлова О. В. 2006.03.027. Постмодернизм: теория и практика современной русской литературы: сб. ст. / науч. ред. Богданова О. В. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 60 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2006. № 3.
13. Орлова А. А. Проза и публицистика Эдуарда Лимонова: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004.
14. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009.
15. Софронова Л. А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности / отв. ред. Л. А. Софронова, Н. М. Филатова. М.: Индрик, 2006.

Информация об авторах | Author information

Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.

¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Osmukhina Olga Yurievna¹, Dr

¹ National Research Ogarev Mordovia State University

¹ osmukhina@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.02.2024; опубликовано online (published online): 22.03.2024.

Ключевые слова (keywords): Э. Лимонов; автоинтерпретация; автобиографизм; авторская маска; автобиографический герой; E. Limonov; autointerpretation; autobiographism; author's mask; autobiographical hero.